

УДК 343

## ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Геранин Виталий Владимирович<sup>1</sup>,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Мальцева Светлана Николаевна<sup>1</sup>,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

<sup>1</sup>Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

В течение более чем 10 последних лет отмечается ежегодное снижение численности контингента осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Причем сокращение наблюдается у всех категорий осужденных, независимо от их пола и возраста. Это, несомненно, позитивная тенденция, учитывая достаточно скромные возможности исправительных учреждений по изменению поведения содержащихся в них лиц. Однако при общем падении численности, криминальная статистика свидетельствует о сохраняющейся тенденции увеличения доли женской преступности как в общем объеме регистрируемых преступлений, так и в числе осужденных, отбывающих лишение свободы. Авторы статьи в числе социальных причин, обуславливающих данное негативное явление, обращают внимание на такой набирающий обороты социальный и гендерно-психологический феномен, как женская маскулинность, все интенсивнее влияющий на избрание слабым полом насилия как способа решения конфликтов. По мнению авторов апробированная временем классификация женщин на категории в зависимости от тяжести совершенного деяния и рецидива преступлений должна быть восстановлена. Тем самым удастся не только предотвратить криминальное заражение женщин, впервые отбывающих лишение свободы (70 %), но и поспособствовать реализации такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости на стадии исполнения наказания. В самом общем виде ее можно сформулировать как «разное за содеянное». По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

**Ключевые слова:** женская преступность, гендер, маскулинизация женщин, женская насильственная преступность, классификация преступлений, исправительные колонии общего и строгого режима для женщин, тяжкие преступления, исполнение наказания

## FEMALE CRIMINALITY: CURRENT TRENDS

Geranin V.V.<sup>1</sup>,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Maltseva S.N.<sup>1</sup>,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

<sup>1</sup>Moscow Witte University, a branch in Ryazan, Ryazan, Russia

Over the past more than 10 years, there has been an annual decrease in the number of convicts serving sentences of imprisonment. Moreover, a decrease is observed in all categories of convicts, regardless of their gender and age. This is undoubtedly a positive trend, given the rather modest possibilities of correctional institutions for the correction of persons held in them. However, with a general decline in the number, criminal statistics indicate a continuing trend of an increase in the share of female crime both in the total volume of recorded crimes and in the number of convicts serving imprisonment. The authors of the article, among the social reasons for this negative phenomenon, pay attention to such a growing social and gender-psychological phenomenon as female masculinity, which increasingly affects the choice of violence by the weaker sex as a way to resolve conflicts.

*According to the authors, the time-tested classification of women into categories depending on the severity of the committed act and the recurrence of crimes should be restored. Thus, it will be possible not only to prevent criminal infection of women serving imprisonment for the first time (70 %), but also to contribute to the realization of such a goal of punishment as the restoration of social justice at the stage of execution of punishment. In its most general form, it can be formulated as: "Different for what has been done".*

*In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.*

**Keywords:** Female criminality, gender, masculinization of women, female violent crime, classification of crimes, general and strict regime correctional colonies for women, serious crimes, execution of punishment

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-65-71

Аксиоматичным в криминологии считается вывод о том, что женщины менее криминализированы, чем мужчины. Специалисты объясняют это отчасти биологическими особенностями женщин, но главным образом, их социальными свойствами. В последнее время при раскрытии закономерностей женской преступности симбиоз обоих подходов стало принятым называть «гендерным подходом» [1, с. 65; 2, с. 58; 3, с. 905]. Задействование гендерного подхода во взаимосвязи с другими критериями позволяет увереннее спрогнозировать поведение личности, точнее определить виды и уровень оказываемого на нее предупредительного воздействия.

Анализ криминальной статистики последних почти 15 лет (начиная с 2010 года) позволяет отметить две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, очевиден процесс неуклонного снижения как числа зарегистрированных преступлений, так и лиц, их совершивших. Так, если в 2010 г. было зарегистрировано 2628,8 тыс. преступлений и 1111,1 тыс. лиц, их совершивших, то в 2023 г. преступлений зарегистрировано 1947,2 тыс. (– 26%), а совершивших их лиц – 750,5 тыс. (– 32,5%)<sup>1</sup>. По итогам семи месяцев 2024 г. тенденция продолжает сохраняться.

С другой стороны, обратившись к той же статистике, но только в отношении женщин, увидим обратное движение. В 2010 году из общего числа лиц, совершивших преступления, женщин было зарегистрировано 172,4 тыс. В 2023 г. их число снизилось до 126,3 тыс. (– 26,8%). Однако за указанный период их доля поднялась с 15,5 % до 16,8 %, а за 7 мес. 2024 г. она еще более возросла – до 17,8 %<sup>2</sup>. То есть, наблюдается обратно пропорциональный процесс: при снижении общего числа зарегистрированных преступлений, совершенных женщинами, их удельный вес относительно всех зарегистрированных лиц, совершивших преступления, растет. Причем он с небольшими отклонениями продолжает расти с 1990 года – момента провозглашения России в качестве самостоятельного государства. Поэтому сложно согласиться с высказываниями о том, что «динамика женской преступности носит волнообразный, повторяющийся характер» [4, с. 105]. Статистика свидетельствует, что в течение всего постсоветского периода развития России доля преступлений, совершаемых женщинами, практически все время увеличивается. Причем прирастает она не только за счет привычных для женской преступности корыстных или бытовых преступлений, но и повышения удельного веса насильственных деяний.

Отчасти подобная тенденция связана с такой все больше набирающей популярность среди психологов и социологов категорией, как теория маскулинности [3, с. 908], а в ее рамках – женской маскулинности как следствия все большего воздействия «как гендерных (социально обусловленных), так и биологических и психологических воздействий на реализацию женщинами криминальной агрессии» [5, с. 4].

Все более проявляющаяся, особенно у молодого поколения, маскулинизация женщин носит закономерный характер. И как подчеркивают исследователи: «Продолжается негативная тенденция усугубления маскулинизации женской преступности, которая выражается в сохранении большой доли участия женщин в совершении преступлений насильственного характера» [6, с. 51; 7, с. 223].

<sup>1</sup> Состояние преступности в России за январь–декабрь 2010 года [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/209732> (дата обращения: 04.09.2024); Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751> (дата обращения: 04.09.2024).

<sup>2</sup> Состояние преступности в России за январь–июль 2024 года [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/54040412/> (дата обращения: 04.09.2024).

Другими словами, если согласиться с тем, что женская маскулинизация – объективный процесс, характеризующий вектор развития современного общества, можно предположить, что женская насильственная преступность постепенно станет если не вытеснять, то приближаться к показателям привычно мужской насильственной преступности. Данную гипотезу подтверждают, в частности, результаты проведенного в течение двух лет исследования, согласно одному из выводов которого маскулинные девушки в случае возникновения противоречий более склонны к физическим способам их разрешения [8, с. 110]. То есть действуют в соответствии с гендерными нормами, характерными для мужчин. Сверх того, следует также принять во внимание наметившийся обратный тренд – процесс феминизации мужчин, проявляющийся как «формирование пассивного, фемининного типа личности» [9, с. 61–62; 10, с. 223].

Рост маскулинности слабого пола ожидаемо сказался на учащении решения им конфликтов силовыми методами, что предсказуемо привело к негативным изменениям в женской преступности. По данным Генпрокуратуры женская преступность в последние годы не только завоевывает все большую долю, но и характеризуется ее «утяжелением». Так, в 2021 г. на 6,6 % увеличилось число совершенных женщинами особо тяжких преступлений, а за первое полугодие 2022 г. – на 9 %<sup>3</sup>. Здесь с сожалением отметим, что как Генпрокуратура РФ, так и ФСИН РФ, начиная с 2023 года перестали обновлять официальную статистику.

В качестве мрачной перспективы, которую, несмотря на всю ее кажущуюся несбыточность, все же следует иметь в виду, следует обратить внимание на ситуацию с женской преступностью в одной из самых близких некогда для России практически по всем показателям стран – Украину. Вследствие ужасающей социально-экономической ситуации и прежде всего ведущихся страной военных действий, женская преступность растет галопирующими темпами. Если за 7 месяцев 2022 г. по поводу преступлений, совершенных женщинами, было открыто 7740 уголовных производств, то за этот же период 2024 года их открыто уже 14528 [11]. Иными словами, за два года женская преступность в этой стране выросла вдвое. По причине стремительно убывающего мужского населения, женщины начали замещать его не только в экономике, но и в криминальном мире, что в таких условиях уже не кажется невероятным.

Несмотря на продолжающуюся негативную трансформацию женской преступности, реакция на нее со стороны законодателя, суда, правоохранительных органов, да и всего общества не меняется, оставаясь по-прежнему лояльной [12; 13, с. 72]. Она проявляется как на всех стадиях уголовного судопроизводства, начиная от избрания меры пресечения, назначения наказания, так и в пенитенциарный период, когда начинают действовать уголовно-исполнительные правоотношения. Подобное отношение государства и общества, ставшее по существу традицией, имеет глубокие исторические корни и обусловлено, прежде всего, биологическими особенностями женщин и их особой ролью в жизни социума.

Не пытаясь оценивать справедливость и обоснованность повышенной благосклонности общества к преступности женщин в уголовно-правовой сфере, обратимся к ее анализу в сфере пенитенциарной.

Гендерный подход в уголовной политике обуславливает причину того, что в местах лишения свободы концентрируются женщины, обладающие значительным опытом противоправной деятельности, либо совершившие наиболее общественно опасные деяния, имеющие преимущественно насильственный характер. По отношению к остальным все чаще применяется альтернативная лишению свободы мера – принудительные работы, или наказания, не связанные с изоляцией от общества.

В соответствии со ст. 74 УИК РФ женщины, осужденные к наказанию в виде лишения свободы, отбывают наказание в колониях-поселениях и исправительных колониях общего режима. Если обратиться к материалам проведенной в 2022 г. специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обращает на себя внимание отмеченная по их итогам тенденция продолжающегося ухудшения характеристики женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В частности, 83 % женщин отбывает это наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [14, с. 78]. Если же обратиться к показателям переписи только в отношении женщин, содержащихся в исправительных

<sup>3</sup> Генпрокуратура зафиксировала рост преступности среди женщин в России [Электронный ресурс] // Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/10/31/948099-genprokuratura-zafiksirovala-rost-prestupnosti-sredi-zhenschin> (дата обращения: 04.09.2024).

колониях общего режима, то для них наиболее характерная категория – это особо тяжкие преступления (58,6 %). На первый взгляд это выглядит нестереотипно, но данный показатель выше, чем у мужчин, причем содержащихся во всех видах исправительных колоний, включая особый режим (54,3 %) [15, с. 67]. Характерно, что для данной категории преступлений свойственна тенденция скачкообразного роста. Согласно переписи 2009 г. доля особо тяжких преступлений у женщин, лишенных свободы, выросла почти в 4 раза по сравнению с переписью 1999 г., а в 2022 г. она поднялась еще почти на 15%. Причина видится нами все та же – в связи с отчетливо проявляющимся гендерным подходом уголовной политики, лишение свободы назначается преимущественно в качестве крайней меры и при условии совершения женщинами наиболее общественно опасных деяний.

Для полноты уголовно-правовой характеристики также добавим, что почти каждая третья женщина судима неоднократно, а 4,5 % из них совершили преступления при особо опасном рецидиве [15, с. 68]. Между тем криминологи справедливо утверждают, что большинство рецидивистов являются носителями и распространителями субкультуры, так называемой «воровской» идеологии и традиций, усвоенных ими, прежде всего, в местах лишения свободы. Поскольку каждый рецидивист заражает криминальной субкультурой несколько окружающих его человек, то остается полагаться на уголовно-исполнительную классификацию осужденных, благодаря которой семидесяти процентам женщин с первой судимостью удастся сохранить планы на будущее, не связанные в той или иной степени с преступным образом жизни.

Общим для отраслей права криминального цикла является принцип индивидуализации наказания. Несмотря на то, что он прямо не закреплен в числе принципов УК РФ (ст. 3–8), его сущность отражена в ч. 3 ст. 60 УК РФ, раскрывающей общие начала назначения наказания. Именно индивидуализация наказания позволяет реализовать такие уголовно-правовые принципы, как справедливость и экономия репрессии. Кроме того, без индивидуализации наказания трудно представить успешность достижения основной его цели – исправления осужденных.

Взаимосвязанность и взаимозависимость криминальных отраслей права и законодательства отчетливо проявляется в процессе поступательного перехода от одного отраслевого вида правоотношений к другому. Если в процессе назначения наказания используется ретроспективный подход (при выборе его вида и срока внимание суда сосредоточено, в первую очередь, на том, что произошло в прошлом – общественной опасности ранее совершенного преступления), то на стадии исполнения актуализируется значимость перспективного подхода и акцент переносится на личность преступника. То есть, на пенитенциарной стадии прошлое – влияние категории ранее совершенного преступления – отходит на второй план, а приоритет приобретает задача снижения или устранения общественной опасности личности осужденного, а в качестве сверхзадачи – его исправление.

Индивидуализация и дифференциация исполнения наказания, выступая составной частью принципа индивидуализации наказания, опирается не только на уголовно-правовые, но и на собственные критерии, лежащие в основе уголовно-исполнительной классификации осужденных. Значение последней, прежде всего, состоит в том, что она предопределяет структуру исправительных учреждений и разделение исправительных колоний на виды режима.

В советский период индивидуализация исполнения наказания находилась в центре пенитенциарной политики нашей страны, основывавшейся на разветвленной системе исправительных учреждений. В постсоветский период в связи с сокращением финансирования уголовно-исполнительной системы некоторые виды режима были упразднены. К началу 90-х годов для осужденных к лишению свободы женщин предусматривалось отбывание наказания в колониях-поселениях, исправительных колониях общего режима и строгого режима (при особо опасном рецидиве преступлений). Отметим, что в России функционировала единственная тюрьма для содержания женщин, перепрофилированная в СИЗО в 1993 г. Как пример не всегда оправданной гуманизации карательной политики можно привести упразднение в 2003 г. исправительных колоний строгого режима для женщин<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О приведении Уголовно-процессуального кодекса РФ и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ”» // Собрание законодательства РФ. – 15.12.2003. – № 50. – Ст. 4847.



В результате на сегодняшний день в исправительных колониях общего режима содержатся все осужденные к лишению свободы женщины<sup>5</sup>, независимо от тяжести совершенного преступления или вида рецидива.

Несмотря на небывалое для судебной практики за весь советский и постсоветский период развития пенитенциарной системы методичное убывание назначения лишения свободы, по-прежнему, опережает все остальные наказания, составляя 30,3 %. А в совокупности с лишением свободы, назначенным условно, его доля возрастает до 55,2 % (АППГ – 57,1%)<sup>6</sup>.

Обратим внимание также на сроки наказания, назначаемые женщинам. Если сравнивать показатели трех последних переписей, то замечен прирост только полных показателей. Так, в 1999 г. на срок до одного года были приговорены 1,2 % женщин, в 2009 г. – 2,6 %, а в 2022 г. – 9,7 % (восьмикратный и почти четырехкратный прирост соответственно). С противоположной стороны (от 8 лет и более) показатели следующие: в 1999 г. удельный вес сроков наказания свыше 8 лет составил 9,3 %, в 2009 г. – 17,6 %, в 2022 г. – 27,2% (за 23 года трехкратный прирост) [15, с. 71]. Подчеркнем, что обе тенденции отрицательные. Первая показывает, что все шире становится круг женщин, усваивающих «азы тюремной грамоты» и попадающих в колею, из которой затем не каждой удастся выбраться. Вторая – наряду с приростом тяжести совершенных преступлений и повышением уровня рецидива, свидетельствует о том, что такие женщины все больше профессионализируются в преступном ремесле и начинают представлять все более серьезную угрозу для общества. И как результат, как мы указывали выше, эта относительно небольшая группа женщин, неоднократно и на длительные сроки осуждавшихся к наказанию в виде лишения свободы, несомненно, оказывают значительное криминальное психологическое воздействие на подавляющее большинство впервые осужденных (70 %). Данный фактор не просто препятствует администрации мест лишения свободы в реализации ею исправительно-воспитательного воздействия, но в ряде случаев может блокировать его.

Таким образом, тенденция роста преступлений, совершаемых женщинами, сопровождается концентрацией в исправительных колониях общего режима все более опасных для общества осужденных женщин. И переломить ситуацию, связанную с приобретением и закреплением женщинами преступного опыта в местах лишения свободы, силами сотрудников ФСИН России при всех усилиях невозможно. На наш взгляд, решение об упразднении существовавших до 2003 г. исправительных колоний строгого режима для женщин было преждевременным. Апробированная временем классификация женщин на категории в зависимости от тяжести совершенного деяния и рецидива преступлений должна быть восстановлена. Тем самым удастся не только предотвратить криминальное заражение женщин, впервые отбывающих лишение свободы, но и способствовать реализации принципа восстановления социальной справедливости на стадии исполнения наказания. В самом общем виде его можно сформулировать как: «разное за содеянное».

### Список литературы

1. Романова Н.М. Социально-психологические детерминанты преступного поведения: субъект криминального деликта и гендер // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. 2009. – Т. 9, вып. 3. – С. 64–69.
2. Стасенко О.В. Преступное поведение: гендерный анализ // Женщина в российском обществе. – 2009. – № 1. – С. 57–63.
3. Стяжкина С.А. Гендерные особенности женской преступности // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. – 2021. – № 5. – С. 904–910.
4. Алексеева Е.А. Современные тенденции развития женской преступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – № 1 (80). – С. 105–111.
5. Качаева М.А., Русина В.В. Гендерные аспекты особенностей агрессивных преступлений, совершенных женщинами // Российский психиатрический журнал. – 2010. – №6. – С. 4–10.

<sup>5</sup> Мы разделяем общепринятое мнение о том, что колонии-поселения не должны относиться к местам лишения свободы.

<sup>6</sup> Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.cdep.ru/userimages/Statistika\\_2023\\_go-dovaya/F1-svod\\_vse\\_sudy-2023.xls](http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2023_go-dovaya/F1-svod_vse_sudy-2023.xls) (дата обращения: 04.09.2024).

6. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг. – 2018. – № 6 (148). – С. 48–72.
7. Соболева Т.С., Соболев Д.В. Влияние космических факторов на формирование пола человека и феномен женского спорта [Электронный ресурс] // Вестник новых медицинских технологий. – 2016. – № 1. – С. 220–227.
8. Македон Т.А. Особенности самореализации феминных и маскулинных женщин // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2014. – № 4 (17). – С. 104–112.
9. Кондратьева О.В., Хнкоян Л.А. Отношение молодежи к семье и браку как признак постиндустриального общества современной России // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 4-5 (25). – С. 61–62.
10. Доева Л.И. Представления о будущем супруге и семейно-брачные установки современной молодежи: гендерный аспект // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 2. – С. 222–225.
11. Королевы криминала. На Украине растет женская преступность [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/20240906/prestupnost-270006973.html> (дата обращения: 8.11.2024).
12. Радочина Т.Н. О женской пенитенциарной преступности // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 4.
13. Гайдай М.К., Кабиров Д.Э. Субъекты пенитенциарной преступности в местах лишения свободы: характерные черты и особенности // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – № 2 (56). – С. 71–76.
14. Казакова В.А., Белова Е.Ю. Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2024. – 80 с.
15. Чорный В.Н., Геранин В.В., Прихожая Л.Е. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2024. – 144 с.

## References

1. Romanova N.M. Social’no-psihologicheskie determinanty prestupnogo povedeniya: sub’ekt kriminal’nogo delikta i gender // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filosofiya. Psihologiya. 2009. – Т. 9, вып. 3. – С. 64–69.
2. Stasenkov O.V. Prestupnoe povedenie: gendernyj analiz // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. – 2009. – № 1. – С. 57–63.
3. Styazhkina S.A. Gendernye osobennosti zhenskoj prestupnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Ekonomika i pravo. – 2021. – № 5. – С. 904–910.
4. Alekseeva E.A. Sovremennye tendencii razvitiya zhenskoj prestupnosti v Rossii // Psihopedagogika v pravoohranitel’nyh organah. – 2020. – № 1 (80). – С. 105–111.
5. Kachaeva M.A., Rusina V.V. Gendernye aspekty osobennostej agressivnyh prestuplenij, sovershennyh zhenshchinami // Rossijskij psixiatricheskij zhurnal. – 2010. – №6. – С. 4–10.
6. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A. Chto takoe «maskulinnost’»? Ponyatijnye otmychki kriticheskikh issledovanij muzhchin i maskulinnostej // Monitoring. – 2018. – № 6 (148). – С. 48–72.
7. Soboлева T.S., Soboлев D.V. Vliyanie kosmicheskikh faktorov na formirovanie pola cheloveka i fenomen zhenskogo sporta [Elektronnyj resurs] // Vestnik novyx medicinskih tekhnologij. – 2016. – № 1. – С. 220–227.
8. Makedon T.A. Osobennosti samorealizacii feminnyh i maskulinnyh zhenshchin // Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejhema. – 2014. – № 4 (17). – С. 104–112.
9. Kondrat’eva O.V., Hnkoyan L.A. Otnoshenie molodezhi k sem’e i braku kak priznak postindustrial’nogo obshchestva sovremennoj Rossii // Evrazijskij Soyuz Uchenyh. – 2016. – № 4-5 (25). – С. 61–62.
10. Doeva L.I. Predstavleniya o budushchem supruge i semejno-brachnye ustanovki sovremennoj molodezhi: gendernyj aspekt // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – 2013. – № 2. – С. 222–225.
11. Korolevy kriminala. Na Ukraine rastet zhenskaya prestupnost’ [Elektronnyj resurs] // InoSmi. – URL: <https://inosmi.ru/20240906/prestupnost-270006973.html> (data obrashcheniya: 8.11.2024).

12. *Radochina T.N.* O zhenskoj penitenciarnoj prestupnosti // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. – 2009. – № 4.
13. *Gajdaj M.K., Kabirov D.E.* Sub'ekty penitenciarnoj prestupnosti v mestah lisheniya svobody: harakternye cherty i osobennosti // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2024. – № 2 (56). – S. 71–76.
14. *Kazakova V.A., Belova E.Yu.* Harakteristika zhenshchin, otbyvayushchih lishenie svobody (po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, dekabr' 2022 goda): monografiya / pod nauch. red. V.I. Seliverstova. – Moskva: Prospekt, 2024. – 80 s.
15. *Chornyj V.N., Geranin V.V., Prihozhaya L.E.* Harakteristika osuzhdennyh, otbyvayushchih lishenie svobody v ispravitel'nyh koloniyah obshchego rezhima (po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, dekabr' 2022 goda): monografiya / pod nauch. red. V.I. Seliverstova. – Moskva: Prospekt, 2024. – 144 s.